

Д. А. Редин

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТАТУС ЗАУРАЛЬСКИХ ДИСТРИКТОВ
КОНЦА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

(Предварительные наблюдения)

Настоящая статья является прямым продолжением темы, поднятой мною на страницах пятого выпуска сборника «Проблемы истории России» в 2003 г. [см.: Редин, 2003, 272—289]. И тогда, и сейчас объектом авторского внимания явилась судьба дистрикта — низшей административно-территориальной единицы, возникшей в России в ходе второй областной реформы Петра Великого (1719—1725). Но если в первой статье, помимо общих соображений, был представлен предварительный анализ дистриктного звена управления на Среднем Урале, в основном в горно-заводской зоне (зоне т. н. Екатеринбургского ведомства), то нынешние наблюдения будут касаться дистриктов Южного Зауралья.

Следует напомнить, что в истории петровских дистриктов по сей день больше вопросов, чем ответов. Какое положение занимал дистрикт по отношению к уезду в иерархии областных учреждений? Кто и как организовывал дистрикты? Какими были объем полномочий и сфера компетенции дистриктного руководства — земских комиссаров и подчиненных им земских контор с соответствующим штатом? Как проявлялась в административном статусе дистриктов региональная специфика, в данном случае та практика, которая была свойственна сибирской управленческой традиции?

Одна из главных идей второй областной реформы заключалась в стремлении создать административно-территориальное деление, основанное, говоря современным языком, на демографических принципах: в равных по статусу округах должно было сосредоточиваться примерно равное количество податного населения. Фискальная подоплека идеи очевидна, заимствованный характер известен: «рациональное статистическое основание» областного деления было присуще ряду европейских стран того времени, и в частности (и, наверное, наиболее полно) Швеции, чей опыт послужил примером для российских реформаторов петровского круга. Первой попыткой реализации этого демографического, или статистического, принципа стало учреждение ландратских долей (1715—1719), которые, вероятно, должны были со временем заменить традиционную уездную систему. Но ландратские доли по целому ряду причин не оправдали возложенных на них надежд, да и введены оказались далеко не повсеместно. Так, в частности, на востоке России, в Сибирской губернии, ландратская система, похоже, не получила своего полного развития [см.: Акишин, 2003, 49]. Созидая новую конструкцию областного деления, верховная власть предприняла вторую попытку воплотить демографический принцип административной организации территорий. В этом смысле дистрикты можно воспринимать как более компактный и управляемый вариант ландратских долей («среднерасчетные» 2 тыс. тяглых дворов в дистрикте против примерно 5,5 тыс. тяглых дворов в ландратской доле). Но реально дистрикт соотносился современниками не с долей, существовавшей недолго и (как упоминалось) не повсеместно, а с уездом [подробнее см.: Редин, 2003, 274—276]. Таким образом, дистрикты должны были прийти на смену уездам, и замена эта, если следовать духу и букве нового законодательства, планировалась не механической, а принципиальной. Структура, статус, компетенция, штат дистриктной администрации, наиболее полно отраженные в Инструкции, или Наказе земским комиссарам 1719 г. [ПСЗ, т. 5, № 3295], были иными по сравнению с уездной.

На деле все пошло «другим путем». М. М. Богословский, автор классической и, наверное, по сей день лучшей монографии о второй областной реформе, подчеркивал, что в большинстве случаев «значительное число уездов совпало с новыми дистриктами, не подвергаясь переменам» [Богословский, 1912, 147]. Это означало, что местные власти (губернские или провинциальные), не мудрствуя лукаво, ограничились тем, что стали именовать уезды дистриктами, а уездных воевод (в некоторых случаях) — земскими комиссарами, возложив на них заботы по сбору податей и оформлению отчетной финансовой документации. При этом ни тер-

риториально, ни демографически, ни в смысле конструкции и штатов канцелярий прежние уездные структуры реорганизации не подвергались. Правда, историк отмечал и другие случаи, когда «уезд дробился на несколько дистриктов», а «иногда, но в гораздо более редких случаях... по два небольших уезда соединялись в один дистрикт» [Там же, 147]. М. М. Богословский делал свои заключения на основании делопроизводственных источников по преимуществу центрально-русского происхождения. Урало-сибирская практика также знала схемы дистриктной организации, свойственные центральным районам России, но демонстрировала и иные образцы. Только в административных рамках Тобольской провинции источники фиксируют несколько способов формирования дистриктов. В результате этого на свет появлялись административно-территориальные единицы с одинаковым видовым наименованием, но различные по положению в иерархии территорий и связанных с ними канцелярий.

Так, в ряде имеющихся в моем распоряжении документов округа, подчиненная Верхотурью, именуется дистриктом. В двух доношениях, датированных январем и февралем 1723 г. и адресованных генерал-майору В. И. Геннину, авторы аттестуют себя крестьянами такой-то слободы Верхотурского дистрикта [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5а, т. 1, л. 33, 93—93 об.]. Термин «Верхотурский дистрикт» фигурирует в комплексе деловой переписки лета — осени 1723 г. — «ведениях» в Тобольскую земскую контору камерирского правления, в том числе и от верхотурского воеводы А. Беклемишева, указе Сибирской губернской канцелярии на Верхотурье, промемории Тобольской земской конторы камерирского правления в Тару, в Канцелярию розыскных дел А. К. Петрово-Солового [Там же, д. 21б, л. 72 об.—73, 74—74 об., 76, 80]. Но чаще всего, в том числе и в перечисленных источниках, Верхотурская округа выступает под прежним названием — уезд. Очевидно, что новое название в данном случае приживалось плохо. Ведомство верхотурского воеводы определяют то как канцелярию, то как земскую избу, то, в соответствии с новым административным законодательством, как земскую контору [Там же, л. 88, 74, 74—74 об.]. Может быть, речь идет о разных учреждениях? Нет, ибо контекст свидетельствует об обратном: во всех случаях в качестве главного присутствующего лица имеется в виду А. Беклемишев. Его неизменно именуют воеводой, но он явно исполняет функции земского комиссара и, согласно Инструкции 1719 г., оказывается подведомствен камерирской провинциальной конторе в вопросах сбора податей и провианта и предоставления финансовой отчетности [Там же, л. 73 об.—74 об., 76—76 об.], среди его начальников самым непосредственным становится земский камерир. Думается, изложенные факты позволяют с высокой долей вероятности предположить, что в данном случае перед нами образец механического переименования уезда в дистрикт, о чем как о наиболее частом явлении писал М. М. Богословский. Вероятно, нечто подобное имело место и на Западном Урале. Так, например, в октябрьском указе 1725 г. Берг-коллегии де Геннину упомянут Кунгурский дистрикт [Там же, оп. 2, д. 424, л. 71], хотя обычно в известном мне делопроизводстве 1720-х гг. речь идет о Кунгурском уезде.

Иной статус имели горно-заводские дистрикты Среднего Урала (на начало 1720-х гг. Уктусский (он же Арамилский), Алапаевский, Камышловский и Каменский), сформированные из южных слобод Тобольского и Верхотурского уездов. О них речь шла в предыдущей, уже неоднократно упоминавшейся статье. Отмечу лишь, что эти дистрикты, созданные в полном формальном соответствии с новым административным законодательством, были ведомственными и административно-территориальными единицами, подчиненными в конечном итоге не провинциальным и губернским властям в Тобольске, а земской (позднее — судебных и земских дел) конторе Сибирского обер-бергамта в Екатеринбурге. Наличие таких дистриктов (которые в то время никто не путал с уездами) само по себе является проявлением региональной специфики реализации второй областной реформы в западных сибирских провинциях. Но как станет видно в дальнейшем, местные особенности преобразований этим не исчерпывались.

Наибольшее распространение дистриктная организация получила в Южном Зауралье. Упоминания о ней содержатся во многих работах, посвященных различным аспектам истории освоения края. Правда, как правило, авторы лишь констатируют наличие дистриктов, специально не фиксируя внимания ни на обстоятельства их возникновения, ни на своеобразии функционирования их администрации. Небольшая по объему, но важная по содержанию информация о сибирских дистриктах, включая зауральские, содержится в томе «Крестьянство Сибири периода феодализма». Так, авторы, во-первых, отметили, что «дистрикты стояли в административной иерархии на более низкой ступени, чем уезды», а во-вторых, что сибирские дистрикты сосуществовали с уездами. Смысл создания дистриктов в регионе и их долгая «жизнь», по мнению авторов, были обусловлены тем, что эти единицы оказались эффективным инструментом правительства в осуществлении податных функций и охране существующего строя в условиях «малозаселенных огромных пространств» [Крестьянство Сибири..., 1982, 324]. Эти во многом справедливые замечания можно расширить и уточнить.

В первую очередь дистриктному делению подверглась южная часть Тобольского уезда. Специфика организации этого огромного административного округа заключалась в том, что его территория не составляла единого пространства, а располагалась чересполосно. Причина такой ситуации объяснялась в литературе: достаточно в этой связи сослаться на самую свежую работу [Вершинин, 2003, 8]. Еще в XVII в., в ходе русской колонизации земель в низовьях рек бассейна Тобола — Туры, Ницы, Пышмы, Исети, позднее Миасса, — новые слободы и остроги основывались по санкции тобольских властей и в силу этого административно оказывались в составе Тобольского уезда. Основание слобод в Южном Зауралье происходило и под патронажем верхотурских и туринских воевод, но у Тобольска было явное преимущество, в результате чего к началу XVIII столетия тобольские поселения глубоко вклинились в массивы земель Верхотурского и отчасти Туринского уездов и окружили территорию Тюменского уезда. Отмеченная чересполосица создавала неудобства в управлении южными районами, оторванными от уездного центра, поэтому их концентрация в дистрикты, подведомственные Тоболь-

ску, но имеющие собственную администрацию, была целесообразна. Разумеется, при этом нельзя сбрасывать со счетов и военный фактор: как и раньше, в XVIII в. русские поселения Среднего Притоболья находились на фронтире с враждебными кочевниками, поэтому правительство предпринимало организационные усилия по концентрации ресурсов на этом направлении. Появление здесь особой администрации не только укрепляло фискальный контроль над территориями юга, но лежало и в русле военно-административных мероприятий власти [см.: Пузанов, 2002, 151]. Учрежденные в 1720—1723 гг. Краснослободский, Шадринский, Окуневский, Исетский, Ялуторовский и Ишимский дистрикты наглядно иллюстрируют еще один вариант, применявшийся властями при проведении реформы и отмеченный М. М. Богословским: уезд дробится на несколько дистриктов, или, что точнее в данном случае, окраинные слободы уезда объединяются в дистрикты под юрисдикцией старого уездного центра. Как бы то ни было, при таком варианте дистрикт изначально является единицей более мелкой, чем уезд, а дистриктная администрация в иерархическом отношении заведомо уступает уездной; Тобольский уезд, таким образом, к середине 1720-х гг. включил в себя 7 дистриктов (6 вышеперечисленных зауральских и один Подгородный, объединивший крестьянские селения, расположенные в непосредственной близости от Тобольска).

Гораздо сложнее решается вопрос о первоначальных шагах по созданию Тюменского дистрикта. Последний, как правило, даже не упоминается в литературе. В частности, Тюменскому дистрикту не нашлось места и в Таблице-схеме административно-территориального деления Сибири в XVII—XIX вв., приложенной к «Крестьянству Сибири периода феодализма», самому подробному и, пожалуй, единственному систематическому изложению сведений на этот счет. Наиболее последовательная информация об обстоятельствах возникновения Тюменского дистрикта, имеющаяся в моем распоряжении, содержится в августовском доношении 1723 г., составленном, видимо, тюменским воеводой А. Д. Исуповым. У текста отсутствует начало, поэтому о его авторе и обстоятельствах возникновения приходится говорить гипотетически, но документальный «конвой», сопровождающий данную бумагу, позволяет с достаточной степенью достоверности воссоздать картину его появления на свет. С лета 1719 г. в западные провинции Сибирской губернии была направлена комиссия лейб-гвардии прапорщика И. С. Арсеньева, ревизора Камер-коллегии. Одно из первых упоминаний об этом содержится в июньском указе 1719 г. Тобольской губернской («большой») канцелярии вятскому коменданту В. К. Толстому [см.: РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 227—227 об.]. В ходе ревизии предстояло выявить характер и причины накопившихся недоимок, разобраться с запутанной и запущенной финансовой отчетностью, взыскать задолженность, наказать комиссаров и канцеляристов, виновных в должностных упущениях, — одним словом, это была очередная чрезвычайная комиссия с широчайшими правами, с помощью которой центральная власть лихорадочно пыталась исправить огрехи текущего руководства. Помимо прочего, И. С. Арсеньевым были обнаружены злостные нарушения финансовой дисциплины в Тюмени; для проведения

специального розыска по тюменским делам ревизор наделил особыми полномочиями тобольского дворянина Леонтия Осипова. В силу арсеньевской инструкции, Осипову следовало принять санкции и в отношении тюменского воеводы Исупова: «держать... в канцелярии за караулом скована» [ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 3396, л. 14]. Вероятно, именно это распоряжение и желание оправдаться, доказав свою изначальную невиновность, подвигли А. Д. Исупова составить доношение, в котором вкратце излагалась история организации Тюменского дистрикта и назывались подлинники виновники податной неразберихи, вызвавшей ревизорский гнев.

«Город Тюмень и с уездом» был разделен на два дистрикта на основании инструкции Тобольской губернской канцелярии 10 октября 1721 г. Земскими комиссарами в новоучрежденные дистрикты определили по выбору прапорщика Алексея Макарова и сына боярского Федора Маркеева [см.: Там же, л. 12 об.]. А. Макаров уже имел опыт службы на податном поприще. Известно, что еще летом (в августе) 1721 г. он осуществлял сбор платежей в звании комиссара в Киргинской и Чубаровской слободах Тюменского уезда, о чем свидетельствуют регистрационные записи в «Книге записной всяким отпискам из слобод о всяких делах июля з 24 числа 1721-го года», составленной в воеводской канцелярии [Там же, д. 1683, л. 1—1 об.]. 20 октября того же года по указу воеводы А. Д. Исупова земскому комиссару Ф. Маркееву выбрали подчиненным комиссаром тюменского дворянина Ивана Осипова Парфенова [Там же, д. 3396, л. 6]. Хотя указания о разделе Тюмени и Тюменского уезда на два дистрикта предельно ясны, создается впечатление, что на самом деле существовал один Тюменский дистрикт. На это указывают разнообразные обстоятельства, и в первую очередь факт функционирования одной земской конторы, ставшей фондообразователем ф. 224 Госархива Тюменской области, содержащего скромный комплект дел за 1720—1726 гг. (21 ед. хр.). Называется Тюменский дистрикт в единственном числе и в ряде выявленных мною документов того времени — в уже упоминавшемся указе воеводы Исупова от 20 октября 1721 г. о выборе подчиненного комиссара И. Парфенова, в отписке тюменского судебного комиссара Д. М. Петрова от 6 июня 1722 г. в Тобольский надворный суд, в указе Тобольской земской конторы камерирского правления от 25 июля 1723 г. [Там же, л. 6, 18, 24—24 об.]. Во втором из упомянутых документов, в котором содержится жалоба на воеводу Исупова, не представившего кандидатов к «выбору» на должности фискала и двух надзирателей в слободы Тюменского дистрикта, перечислен состав последнего: Краснослободск (так!), Верх-Ничинская, Чубаровская, Киргинская, Юрмыцкая, Куяровская, Утецкая и Беляковская слободы. Из этого перечня видно, что территория Тюменского дистрикта точно совпадала с территорией Тюменского уезда. Иными словами, можно сказать, что Тюменский дистрикт являлся податным округом на территории Тюменского уезда; воеводская канцелярия Тюмени как бы «делегировала» свои фискальные полномочия земской дистриктной конторе; управление в Тюменском уезде, таким образом, четко специализировалось: при общем главенстве воеводской канцелярии податные функции оказывались закрепленными за земской конторой, а судебные — за судебной канцелярией.

Хотя в составе Тюменского уезда в конечном итоге оказался один дистрикт, в Тюменской земской конторе заседали два земских комиссара. В каких служебных отношениях они состояли — были ли равными или кто-то из них был в роли «первоприсутствующего», — пока неизвестно. Их обязанности, судя по документам фонда 224, оказались предельно сужены по сравнению с теми, которые предписывались Инструкцией земским комиссарам, и сводились исключительно к налоговой деятельности. Между тем эти обязанности они исполняли плохо. Уже в начале июля 1722 г., менее чем через год после назначения, на Федора Маркеева донес сын боярский Елизар Колокольников, служивший, видимо, приказчиком в одной из тюменских слобод и в начале октября 1721 г. безуспешно претендовавший на роль подчиненного комиссара в Туринске [ГАТО, ф. 47, т. 1, д. 3395, л. 19 об.]. Видимо, Колокольников обвинял земского комиссара в предвзятой и неверной оценке его финансовой отчетности («...по челобитью сына боярского Елизара Колокольникова по счетным спискам, как он, Федор (Маркеев. — Д. Р.), считал ево, Елизара, и явился косень (так!) начетным денгам») [Там же, д. 3396, л. 12 об.]. По этой причине Маркеев принужден был объясняться в Тюменской канцелярии судебных дел. Разбирательство по финансовым вопросам — дело не быстрое; 10 июля 1722 г. «на ево, Федорово, место выбран в камисары прапорщик Ефим Милкеев». Этот «выбор» не означал, однако, окончательной отставки Маркеева: замена его новым комиссаром, наверное, мыслилась временной, на период следствия, чтобы избежать пресловутой «остановки дел». Но, так или иначе, после того как прежний комиссар вернулся к должности, в службе оставили и Е. Милкеева, а во главе Тюменского дистрикта оказалось сразу три комиссара, поскольку «оним камисаром, Алексею Макарову, Федору Маркееву и Ефиму Милкееву, даны с присланной ис Тобольской земской конторы инструкции инструкции ж с росписками и по одному человеку ис подьячих в земские писари (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — Д. Р.)» [Там же]. Но и весь этот усиленный аппарат с обязанностями своими не справился, совершенно запустил доимку и забросил финансовую отчетность. 23 июня 1723 г. «оних камисаров» затребовали для объяснений в Тобольск к камериру М. А. Барютину. Судя по всему, в камерирской конторе их доводы нашли неубедительными и чуть более месяца спустя указом из Тобольской земской конторы от 25 июля 1723 г. за подписями кн. С. М. Козловского (исправлявшего тогда должность губернатора) и М. А. Барютина тюменского воеводу уведомили о разжаловании А. Макарова и Е. Милкеева в подчиненные комиссары «за многие нерадения», о взыскании с них и «с плательщиков» запущенных недоимок и о назначении «до указа» земским комиссаром Тюменского дистрикта казачьего полковника Дмитрия Угрюмова [ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 1683, л. 1—1 об.]. А в августе 1723 г. А. Макаров и Ф. Маркеев попали в руки камер-коллежского ревизора И. С. Арсеньева; как выясняется из инструкции, данной Арсеньевым тобольскому дворянину Леонтию Осипову, уполномоченному провести розыск по финансовым тюменским делам, оба земских комиссара уже были в поле зрения ревизора и давали ему показания еще в декабре 1721 г. На сей раз Осипов по приказу Арсеньева должен был арестовать Макарова и Маркеева, держать их

в цепях, взять на них показания фискалов и, заново допросив, требовать полного отчета по финансовой части [ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 3396, л. 11—11 об.]. Примечательно, что этой участи избежал Е. Милкеев, видимо, потому, что он стал земским комиссаром позже первых двух и на нем было меньше вины; его разжалование Арсеньев посчитал, вероятно, достаточным наказанием.

Насколько долго существовал этот странный дистрикт? Судя по документам фонда Тюменской земской конторы, он не пережил административных изменений, инициированных после смерти Петра Великого, и был ликвидирован в 1726 или, скорее, в 1727 г. Надо заметить в этой связи, что существование Тюменского дистрикта и в самом деле едва ли было целесообразным. Практика предшествующего времени показывала, что Воеводская канцелярия сама вполне справлялась с выполнением фискально-финансовых функций, действуя через слободских приказчиков, и не нуждалась в создании особого податного ведомства в компактном уезде, население «крестьян и разночинцов» которого по переписи 1719 г. размещалось в 2 051 дворе [Там же]. Тем не менее для нас любопытен сам факт организации дистрикта как административно-податного округа, совпадающего по площади, но не тождественного в управленческом отношении административно-территориальному округу — уезду; быть может, в этом следует усматривать попытку реализации камералистского принципа последовательной специализации управления на местном уровне?

Но, как бы то ни было, следует заметить, что организация дистриктов в Зауралье в большей мере подчинялось логике повседневного прагматизма и опыту управления, накопленному еще в XVII в., а не камералистской доктрине. Жизнестойкость и способность к эволюции проявили дистрикты Тобольского уезда, которые вслед за источниками 1780-х гг. можно именовать слободскими дистриктами. Определение «слободской дистрикт» было, в частности, использовано в ответе на анкеты к составлению Топографического описания Пермского наместничества 1789 г. и относилось именно к дистриктам Тобольского уезда, локализованным в Южном Зауралье. Поясняя историю г. Шадринска, чиновники дали любопытную оценку зауральским дистриктам как таковым, в связи с чем считаю необходимым привести пространную выдержку из их ответа. «В 1712 году по определению там (в Шадринске. — Д. Р.) коменданта князя Василья Мещерского по указу из Тобольска велено Шадринскую слободу именовать Архангельским Шадринским городом, но имя Архангельской давно пришло в забвение, и едва городом назвать прилично было такое место, в коем одни крестьяне жительствовавали <...> ...ныне обстоятельство другое с того времени, как в 1738 г. три слободских дистрикта Шадринской, Исетской и Окуневской от Тобольска приписаны к Оренбургу и учинена Исецкая провинция, то под ведомством Исецкой провинциальной канцелярии... прилично было бы в оных дистриктах и уездным городам, чего ради Шадринск вновь прозван городом...» [цит. по: Резун, 1991, 145—146]. В отличие от тюменских коллег, тобольские земские комиссары слободских дистриктов оказались в роли нижестоящих, но относительно самостоятельных управленцев в рамках своих территорий.

Тобольские власти были слишком далеки и слишком загружены собственными делами, ведь губернское, провинциальное и уездное руководство, сосредоточенное в Тобольске, разделялось только номинально. Административные заботы по всем уровням управления, по большому счету, ложились бременем на один и тот же круг должностных лиц. Поэтому руководители слободских дистриктов не были только податными агентами уездной власти. С укрупнением административно-территориального деления в Южном Зауралье в 1730-х гг., в рамках процесса, начатого учреждением Исетской провинции, слободские дистрикты раньше и естественнее других дистриктов региона эволюционировали по своему статусу в полноценные уезды.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.

Богословский М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719—1727 гг. М., 1912.

Вершинин Е. В. Ирбитская слобода в XVII в. // Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII—XVIII веках. Екатеринбург, 2003.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление), оп. 1, д. 5а, 21б; оп. 2, д. 424.

ГАТО. Ф. 47 (Тюменская воеводская канцелярия), оп. 1, д. 1683, 3395, 3396.

Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002.

РГАДА. Ф. 1113 (Вятская приказная изба), оп. 1, д. 29.

Редин Д. А. Административный статус уральских дистриктов конца первой четверти XVIII в. / ПИР. Вып. 5. На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003.

Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города, XVIII век. Новосибирск, 1991.